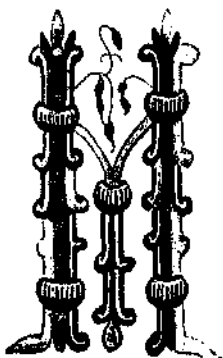

Боярскій бытъ въ XVII вѣкѣ.

В. И. Пичета.

I. Боярскій домъ и его хоромный нарядъ.

московское боярство, какъ высшій правительственный классъ, принимавшій совмѣстно съ царемъ близкое участіе въ дѣлахъ управленія государствомъ, жило постоянно въ Москвѣ, лишь изрѣдка по разнымъ причинамъ уѣзжая въ свои помѣстья и вотчины, да и то всякій разъ съ особаго разрѣшенія государя; въ противномъ случаѣ, уѣхавшаго безъ разрѣшенія ждала царская опала.

Боярскіе дворы были разбросаны по всѣмъ улицамъ Москвы. Небольшіе по размѣрамъ, сажень 40 — 50 въ длину и 20 — 30 въ ширину, боярскіе дворы заключали въ себѣ жилое помѣщеніе со всякаго рода хозяйственными помѣщеніями и избами для слугъ, общее число которыхъ у богатыхъ бояръ было очень значительно. Тутъ были погреба, бани, копошни и сѣнники, сарай, стойла для животныхъ. На отдѣльномъ дворѣ стояли амбары для хлѣба. Наконецъ, почти при каждомъ были небольшой садъ съ фруктовыми деревьями и цвѣтниками.

Устройство двора и обиліе слугъ объясняются тогдашними экономическими условіями. Владѣя помѣстьями и вотчинами и эксплуатируя довольно интенсивно крѣпостной трудъ, боярство имѣло полную возможность обходиться въ своей повседневной жизни безъ услугъ московскаго рынка, такъ какъ всѣ необходимые припасы привозились изъ боярскихъ деревень. Такіе наѣзды старосты съ сельско-хозяйственными продуктами дѣлались по нѣскольку разъ въ годъ, но всегда съ довольно большими промежутками, пока не истощатся деревенскіе припасы. Этимъ и объ-

сияется, почему бояре, въ своихъ заботахъ о домовомъ строеніи, съ большимъ вниманіемъ относились и къ постройкѣ разнаго рода хозяйственныхъ помѣщеній, гдѣ хранились привезенные продукты. Внутри боярскаго двора, окруженнаго деревянной или каменной оградой, паходился домъ — живое помѣщеніе, скрытое обыкновенно съ улицы оградой; въ ограду вело нѣсколько воротъ, и между ними главныя съ надстроенными башенками, которыя разукрашивались разными рѣзными изображеніями. Всѣ помѣщенія были обыкновенно деревянными, хотя въ XVII вѣкѣ начинаютъ строить каменныя, правда, не для жилья, а для хозяйственныхъ цѣлей. Изрѣдка строили каменныя помѣщенія и для жилья, но такихъ боярскихъ домовъ было сравнительно немного.

Бояре строили себѣ дома въ два жилья съ надстройкой наверху.

Въ домъ вело крыльцо, разукрашенное кувшинообразными колоннами и покрытое остроконечной кровлей. Отъ крыльца подымались лѣстницей наверхъ и выходили на небольшую террасу, огороженную точеными перильцами (рундукъ), откуда былъ ходъ въ сѣни верхняго жилья. Въ нижній же этажъ выходили черезъ особое крыльцо или черезъ особую дверь или внутреннимъ ходомъ.

Нижнее же помѣщеніе было тоже всегда съ окнами и называлось «подклѣтьемъ»; здѣсь находились кладовыя, и жила домовая прислуга. Въ подклѣтѣхъ дѣлались большія печи, изъ которыхъ тепло трубами передавалось на второй этажъ — клѣтъ, собственно, хозяйское жилье.

Клѣтъ состояла изъ трехъ, изрѣдка четырехъ комнатъ: передней или горницы, предназначенной для пріема гостей, комнаты или кабинета, бывшей также и спальней, и крестовой — для молитвы боярина и его семейства.

Довольно часто бояре выстраивали для пировъ и парадныхъ обѣдовъ особую столовую избу, въ одягъ покой съ сѣнями. Наконецъ, надстройки надъ жилымъ помѣщеніемъ назывались «чердаками», большая, свѣтлая четырехугольная комната — свѣтлица-теремъ; надстройки надъ сѣнями назывались вышками и были самой причудливой формы въ видѣ башенъ, шпилей, куполовъ... Комнаты были невелики — сажени двѣ длины и столько же ширины, и давили своимъ потолкомъ, такъ какъ средняя высота покоевъ была 3 — 4 аршина. По внѣшности и боярскій домъ представлялъ случайное соединеніе самыхъ разнообразныхъ по архитектурѣ зданій, въ этомъ отношеніи мало въ чемъ отличаясь отъ царскаго дворца; да и по устройству пола, оконъ, дверей боярскіе зажиточные дома были копіей царскихъ покоевъ.

Внутреннее убранство боярскихъ домовъ въ общемъ было довольно примитивно. Въ этомъ отношеніи не было замѣтно особенной разницы между домами бояръ, отличныхъ другъ отъ друга по своему экономическому состоянію. Всѣхъ иностранцевъ, бывавшихъ въ домахъ зажиточнаго боярства, особенно поражало обиліе образовъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ и угламъ, часто въ дорогихъ кіотахъ, серебряныхъ и золотыхъ ризахъ, украшенныхъ драгоценными камнями и почти сплошь унизанныхъ жемчугомъ. Иностранцы, конечно, не поняли особенностей древне-русскаго

А. Беня „Помѣщикъ“.

уклада, сложившагося подъ непосредственнымъ явліемъ религіозныхъ идей, но зато правильно отмѣтили, что обиліе иконъ бросается въ глаза въ наиболѣе зажиточныхъ домахъ, въ которыхъ стѣны иногда сплошь украшались образами. Образа вѣшали во всѣхъ комнатахъ, но съ особенной заботой украшалась «святая святыхъ» древне-русскаго дома, моленная комната, гдѣ проходили домашнія моленія и праздничныя богослуженія, если только у боярина не было своей домовой церкви. Въ моленной образа стояли во всю стѣну на подобіе церковнаго иконостаса. Тутъ стояли аналой съ книгами, а на полкѣхъ подъ образами лежало крыльничко для обметанія пыли и губка для ея стиранія. Передъ образами теплились лампадки и стояли восковыя свѣчи, а подъ кіотомъ привѣшивалась обыкновенно дорожка пелена—тонкая ткань, расшитая золотыми нитками.

Такая же ткань была привѣшена и близъ кіота для занавѣшиванія иконъ.

Обиліе иконъ составляло едва ли не главное украшеніе боярскаго жилья.

Впрочемъ, въ 60—70-хъ годахъ XVII вѣка наиболѣе зажиточные изъ бояръ для приданія большаго блеска и великолѣпія «хорошему наряду» украшали свои комнаты живописью, конечно, съ церковно-религіозными сюжетами.

Меблировка въ боярскихъ покояхъ не поражала глазъ наблюдателя своей многочисленностью и разнообразіемъ. У стѣнъ стояли лавки, придѣланныя наглухо къ стѣнамъ, покрытыя полавочниками, въ обычное время—сукошными, а въ праздничные дни изъ шелковой или какой-нибудь другой дорогой матеріи, самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ и большею частью вышитыхъ узорами. Кромѣ лавокъ для сидѣнія стояли въ комнатахъ скамьи и столыцы. Скамьи были выше лавокъ; на нихъ ложились отдыхать послѣ обѣда, для чего въ одномъ концѣ скамьи дѣлалось особое возвышеніе—«приголовникъ»; столыцы—родъ табурета для сидѣнія одному лицу. И эта мебель покрывалась кусками разныхъ матерій.

Впрочемъ, во второй половинѣ вѣка въ боярскихъ домахъ попадались кресла и стулья, но встрѣтить ихъ можно было далеко не во всѣхъ домахъ зажиточнаго боярства. Какъ и въ царскихъ палатахъ, въ красныхъ углахъ подъ образами стояли дубовые столы, иногда разрисованные изображеніями изъ св. писанія и украшенные рѣзьбой и позолотой, при томъ всегда покрытыя «подскатерниками», простыми въ будни и бархатными, шелковыми, алтабасовыми, поражающими богатствомъ «вышивки»—въ праздничные дни. Во время обѣда на «подскатерникъ» клалась скатерть, обыкновенно съ чрезвычайно затѣйливымъ узоромъ.

Боярскій домъ долгое время не зналъ стѣнныхъ картинъ, и единственнымъ стѣннымъ украшеніемъ оставались полки, шкафики, поставцы самыхъ разнообразныхъ формъ, расписанные красками и разукрашенные рѣзьбой.

На полкахъ и въ шкафахъ выставлялись дорогая посуда и разные драгоценныя бездѣлушки въ родѣ серебряныхъ яблочъ, позолоченнаго пѣтуха и пр.

Къ комнатнымъ украшеніямъ можно причислить и часы, бывшіе въ то время рѣдкостью и появившіеся въ видѣ «европейской диковинки» въ домахъ бояръ, не чуждыхъ западно-европейскому вліянію. Такимъ же комнатнымъ украшеніемъ можно считать и кровать, обыкновенно убранную съ большою роскошью. На нее клали пуховикъ, нѣсколько подушекъ въ атласныхъ и шелковыхъ наволокахъ и одѣяло, унизанное жемчугомъ и подбитое соболями. Обыкновенная постель была очень проста: бояре спали на лавкахъ, на матрацѣ или войлокѣ. Наконецъ, въ комнатахъ находились рукомойники и локани для умыванія, сундуки и скрини для храненія носильнаго платья и ларцы, расписанные золотомъ и разными узорами, гдѣ хранились женскіе наряды.

Боярскій домъ освѣщался восковыми и сальными свѣчами, вставленными въ стѣнные или стоячіе подсвѣчники-шандалы; въ иныхъ домахъ висѣли люстры-паникадила, часто серебряныя, зажигаемыя по праздничнымъ и торжественнымъ днямъ.

II. Комнатный обиходъ боярина и боярыни.

День въ боярскомъ домѣ начинался очень рано. Умывшись и одѣвшись, бояринъ шелъ въ моленную комнату, гдѣ собирались его семья и всѣ домочадцы.

Бояринъ обыкновенно самъ читалъ утреннія молитвы. Въ праздничные дни бояринъ съ семьей шелъ къ заутренѣ въ одну изъ приходскихъ церквей. Если у него была своя домовая церковь, то обычныя моленія совершалъ священникъ, обыкновенно, окропившій святой водой все семейство боярина.

Послѣ обычнаго молитвословія всѣ расходились и принимались за ежедневную будничную работу, а бояринъ отдавалъ распоряженія по хозяйству, входя въ самыя мелочи вплоть до составленія «меню» обычнаго обѣда. Конечно, бояринъ не могъ лично смотрѣть за своимъ хозяйствомъ. Оставляя общее руководство за собой, ближайшее завѣдываніе хозяйствомъ поручалось дворецкому или ключнику и очень рѣдко женѣ, такъ что жены богатыхъ бояръ большею частью не вмѣшивались въ хозяйство. Раю утромъ бояринъ обходилъ всѣ домашнія службы и зорко посматривалъ за состояніемъ своего домашняго хозяйства и за исполненіемъ своихъ распоряженій. Плохо приходилось тому холопу, чья служба казалась хозяину неисправной. Сдѣлавъ обычныя распоряженія по хозяйству, бояринъ отправлялся во дворецъ, гдѣ ожидалъ въ передней царскаго выхода. Змѣстѣ съ царемъ бояринъ слушалъ обѣдную, послѣ которой царь и бояре совѣтовались о дѣлахъ.

Такъ время шло до обѣда. Въ полдень бояринъ возвращался домой и обѣдалъ. Въ боярскихъ семьяхъ было принято обѣдать отдѣльно отъ жены и дѣтей. Изрѣдка приглашался къ обѣду кто-нибудь изъ постороннихъ. Обѣденный столъ покрывался скатертью. Столовая посуда была большею частью оловянная, и только у очень богатыхъ людей—серебряная. Тарелки, называемыя «торели», были не повсюду въ употребленіи; онѣ обыкновенно

ставились только для гостей и не перемѣнялись въ продолженіе всего обѣда. Ножи и вилки также мало употреблялись: кушанье подавалось разрѣзаннымъ на ломтики, и потому можно было обходиться и безъ нихъ. Брали руками прямо съ блюда и клали куски мяса въ ротъ, бросая остатки на тарелку или прямо на скатерть. Ложки дѣлались серебряныя позолоченныя, обыкновенно съ фигурной ручкой и надписью, кому онѣ принадлежали.

Во время обѣда обходились и безъ салфетокъ; руки обтирали полотенцемъ или краемъ скатерти. Необходимою принадлежностью столоваго убора были солопица, перечница, часто серебряныя, украшенныя узорами и съ литыми изображеніями, укусница и горчицница. Кушанье къ столу изъ поварни отпускалъ ключникъ, а принималъ дворецкій. Нѣсколько слугъ носили кушанья; ключникъ и дворецкій предварительно отвѣдывали, а затѣмъ ставили на столъ.

Жидкое кушанье изъ поварни для стола носили въ кастрюляхъ и оловяникахъ—мѣдныхъ луженыхъ или оловянныхъ, а за столомъ жидкая пища разливалась въ серебряныя миски. Твердое кушанье приносили на блюдахъ разной величины и формы.

Для овощей и фруктовъ были особыя блюда—овощники. Въ скоромные дни ѣли сначала холодныя кушанья (напр., вареное мясо съ приправой); затѣмъ наступала очередь щей и разныхъ суповъ; послѣ нихъ ѣли жаркое и молочныя кушанья. Обѣдъ заканчивался разными сладкими пельями, коврижками и фруктами—свѣжими или приготовленными въ пастоу, съ медомъ и сахаромъ. Къ послѣобѣденнымъ лакомствамъ можно еще прибавить сахаръ и леденецъ, привозимые изъ-за границы. Въ постные дни мясная пища замѣнялась рыбной, если только церковныя правила разрѣшали употребленіе рыбы. Тогда на обѣденномъ столѣ появлялись разнаго рода соленья, зернистая икра, шти, уха, разсолное, жареная рыба, овощи. И постная пища и скоромная обильно приправлялись разными пряностями, лукомъ, чеснокомъ, шафраномъ. Званые обѣды отличались не столько разнообразіемъ кушаній, сколько ихъ количествомъ.

Около обѣденнаго стола стоялъ поставецъ съ напитками: пили водку, квасъ, пиво, медъ и виноградныя вина.

Водка, квасъ и медъ были, кажется, любимыми напитками, не всегда употреблявшимися въ мѣру. Особенно много хмельного пили во время званыхъ обѣдовъ. Любезный хозяинъ въ своихъ заботахъ о гостяхъ доходилъ часто до того, что многіе изъ гостей падали подъ столъ, и ихъ приходилось выносить на рукахъ изъ избы для отрезвленія. Для напитковъ употребляли ковшики, чарки, кубки и братины, овкачи, болванцы. Сосуды были серебряныя, болшею частью позолоченныя, самой различной формы. Попадались сосуды и иностранной работы, часто украшенные чеканными фигурками, представлявшими цѣлыя картины, иногда мифологическія по сюжету.

Бояринъ держалъ себя за столомъ довольно свободно, вытягивался и зѣвалъ; онъ рыгалъ и вообще ни въ чемъ не стѣснялся. Иностранцы говорятъ съ омерзѣніемъ о такомъ способѣ обѣдать...

Пересмотрѣвши послѣ обѣда посуду, бояринъ ложился спать. Послѣ обѣденнаго отдыха бояринъ снова отправлялся во дворецъ, засиживаясь иногда тамъ до поздняго вечера. Остатокъ дня до ужина бояринъ проводилъ въ семьѣ. Послѣ обычнаго ужина снова зажигались лампадки, и всѣ шли къ вечернему молитвословію, послѣ чего весь домъ погружался въ глубокій сонъ. Въ кануны праздниковъ, среды и пятницы и въ посты боярская чета спала отдѣльно, каждый на своей половинѣ.

Нѣсколько по-иному складывался «будничный обиходъ» для боярыни. Если мужъ разрѣшалъ женѣ управлять домою, ей приходилось выносить на своихъ плечахъ всю тяжесть домашняго хозяйства, расплачиваясь собственной спиной за всѣ его недочеты.

Хозяйка должна была подавать примѣръ слугамъ въ прилежаніи: вставала раньше всѣхъ и ложилась позже другихъ, личнымъ усердіемъ побуждая прислугу къ работѣ. Въ домашнихъ хлопотахъ и проходилъ рабочій день. Впрочемъ, большинство боярынь не касалось хозяйства. Послѣ утренней молитвы боярыня отправлялась къ себѣ въ покои и принималась за рукодѣлье, вышивая золотомъ и шелками. Только по вечерамъ отдыхалъ женскій теремъ, развлекаясь пѣніемъ, пляской, слушая сказочниковъ, домрачаевъ, гусельниковъ, дураковъ-шутовъ и потѣшаясь выходками дурьшутихъ, несмотря на то, что шутки послѣднихъ носили иногда грубо циничный характеръ, могущій смутить женскую стыдливость и цѣломудріе. Въ праздничные дни, въ зависимости отъ церковныхъ праздниковъ, обычный распорядокъ дня нѣсколько измѣнялся. Боярамъ приходилось принимать участіе въ царскихъ церковныхъ парадахъ и выходахъ.

Обыкновенно въ праздничные дни бояринъ или самъ отправлялся въ гости, или созывалъ у себя гостей для пира. Устраивались также пиры по поводу разныхъ семейныхъ торжествъ: родинъ, крестинъ, брака, новоселья. Когда бояринъ устраивалъ пиръ, то гости приглашались по-разному: однихъ лично звалъ, а другихъ посылалъ звать слугъ. Все зависѣло отъ чина и положенія гостя. Столовая изба обыкновенно нарядно убиралась и покрывалась коврами; на столъ и лавки постлали богато-расшитыя скатерти и полавочки. Столы ставились вдоль стѣнъ и лавокъ, а если гостей было много, то и рядомъ; въ углу подъ образами было мѣсто самого хозяина. Послѣ взаимныхъ привѣтствій приглашенные рассаживались по лавкамъ, строго соблюдая обычай мѣстничества. Рѣдкій пиръ кончался благополучно: часто на пирахъ бояре заводили споры о мѣстахъ, осылая другъ друга оскорбленіями, и перѣдко дѣло доходило до драки. По словамъ Котошихина, передъ началомъ обѣда къ гостямъ выходила жена хозяина и била челомъ гостямъ, потомъ становилась у дверей; хозяинъ кланялся гостямъ въ землю и просилъ, чтобы «гости жену его изволили цѣловать», послѣ чего каждый изъ гостей, кланяясь до земли, цѣловалъ жену хозяина и отходилъ въ сторону. Хозяйка подносила каждому гостю чарку вина. Первый гость отдавалъ чарку вина хозяину, прося его выпить прежде. Хозяинъ приказывалъ отвѣдать сначала женѣ. Когда она отвѣдывала и отдавала мужу, онъ выпивалъ чарку. Только тогда начинали пить гости. Послѣ окончанія церемоніи хозяйка

уходила къ себѣ на половину, гдѣ къ ней съѣзжались жены и дочери гостей, и гдѣ для послѣднихъ устраивался пиръ. Гости садились за столъ, а хозяинъ, разрѣзавъ хлѣбъ на кусочки, подавалъ вмѣстѣ съ солью гостямъ по очереди. Затѣмъ подавались кушанья и различные напитки.

Часто среди пира, когда гости становились навеселѣ, растворялись двери внутреннихъ покоевъ, и къ гостямъ выходили жены сыновей, замужнія дочери братьевъ и родственниковъ, если всѣ жили не въ раздѣлѣ, съ виномъ и чарками.

Мужья этихъ женщинъ вставали изъ-за стола, прося съ поклономъ поцѣловать ихъ женъ. Словомъ повторялась уже описанная церемонія. Пиръ отличался обиліемъ всякихъ здравицъ; начинали съ царя, потомъ пили за членовъ царскаго семейства, бояръ, хозяина, гостей. Неудивительно, что многіе изъ гостей такъ напивались, что ихъ приходилось уводить домой безъ сознанія. То же было и на женской половинѣ, гдѣ и боярыни, угощаемыя радушной хозяйкой, «упивахуся виномъ» до полной потери сознанія.

Впрочемъ, во второй половинѣ XVII в. въ домахъ просвѣщенныхъ бояръ пиршества устраивались по-другому: не было гомерическаго пьянства, не слышно было художественной русской брани и циничныхъ выходокъ; пришедшіе на пиръ проводили время за бесѣдой, обмѣниваясь заграничными впечатлѣніями, если имъ случалось побывать за границей. Къ сожалѣнію, культурность только начинала проникать въ русское общество, а потому такого рода люди могли считаться единицами.

III. Боярскіе выходы.

Боярамъ приходилось ѣздить въ гости и принимать таковыхъ у себя. Обыкновенно ѣздили къ старшимъ или равнымъ; къ младшимъ въ гости не ѣздили.

Приемы тѣхъ и другихъ обставлялись церемоніями и были неодинаковы. Знатнаго или занимавшаго особое служебное положеніе принимали съ особеннымъ вниманіемъ: у воротъ гостя встрѣчалъ дворецкій, у крыльца—сынъ или родственникъ хозяина, а въ передней—самъ хозяинъ въ шапкѣ или съ открытой головой, смотря по достоинству гостя. Другихъ гостей не встрѣчали, а гости, оставаясь въ передней, ждали выхода хозяина. Войдя въ комнату, обыкновенно съ шапкой въ рукахъ, гость крестился и клалъ три полныхъ поклона, касаясь пальцами до земли, и только тогда привѣтствовалъ поклономъ хозяина. Поклоны и привѣтствія зависѣли, конечно, отъ чина. Однимъ кланялись въ землю; передъ другими только наклоняли голову, третьимъ кланялись въ поясъ; а «худородые люди», словно сознавая свое ничтожество передъ хозяиномъ или зависимость отъ него, становились на колѣна, касаясь лбомъ земли.

Равные привѣтствовали другъ друга поцѣлуями, подачей правой руки. Почетнаго гостя старались посадить подъ образа, а съ другими хозяинъ разговаривалъ сидя, начиная съ осведомленій о здоровьѣ; пока переберутъ всѣхъ родственниковъ, времени уходило немало. Только тогда приступали

къ разговору по существу. Гости потчивали водкой и разнаго рода лакомствами: орѣхами, финиками, фигами. Передъ прощаніемъ гость троекратно крестился, прощался съ хозяиномъ и уѣзжалъ, провожаемый хозяиномъ до порога и далѣе, опять-таки по мѣрѣ его достоинства. Боярамъ приходилось часто выѣзжать изъ дома. Ежедневно --- утромъ и вечеромъ—бояре являлись во дворецъ, лѣтомъ—верхомъ, а зимой—въ санихъ, обыкновенно въ одну лошадь; сани украшались съ возможной для того времени роскошью: обивались атласомъ, а на спинку саней клали персидскій или турецкій коверъ. Кучеръ сидѣлъ верхомъ на лошади, везущей сани въ сѣдлѣ, обитомъ сафьяномъ, съ золотыми узорами. Голова лошади была убрана колечками, разноцвѣтными перьями и разными звѣриными хвостами. Въ большіе церковные праздники бояре выѣзжали для участія въ царскихъ выходахъ, одѣтые въ золотые, бархатные или обьяриновые фerezы. Золотые фerezы надевались только въ наиболѣе важные церковные праздники: Рождество Христово, Благовѣщеніе, Свѣтлое Христово Воскресеніе и Вознесеніе, такъ какъ въ эти дни выходы совершались съ особенной торжественностью; бархатная и обьяриновая фerezъ предназначалась для менѣе торжественныхъ выходовъ. Случалось боярамъ посѣщать и патріарха для полученія благословенія по разнымъ обстоятельствамъ.

Выѣзды боярѣ не ограничивались только одной Москвой: по обязанности они сопровождали царя во всѣхъ его большихъ и малыхъ походахъ; иногда и сами они отпрашивались у царя въ монастырь на богомолье или на побывку въ деревню, куда бояринъ выѣзжалъ со всей семьей и домашними слугами. Поѣздъ такого боярина растягивался на значительное разстояніе, встрѣчая въ населеніи такое же подобострастное отношеніе, какъ и къ царскимъ выходамъ. Боярскія жены и дочери ѣхали въ колымагахъ или каптанахъ, закрытыхъ со всѣхъ сторонъ, исключая боковыхъ дверей съ окнами изъ слюды или бычачьяго пузыря. Боярство слишкомъ любило старину, чтобы допустить въ этомъ отношеніи какую-нибудь вольность.

Бояре любили оставлять Москву на нѣкоторое время и отдохнуть въ деревнѣ вдали отъ сутолоки придворной жизни, да кстати и посмотреть за хозяйствомъ и провѣрить, насколько приводились въ исполненіе приказчиками отданныя ими хозяйственныя распоряженія. Жизнь въ деревнѣ была менѣе однообразна, чѣмъ въ городѣ. Тутъ чувствовалось больше свободы и меньше стѣсненія. Бояре гуляли по имѣнію, входя во всѣ мелочи хозяйства, а больше всего отвлекаясь соколиной и кречетовой охотой, раздѣляя въ этомъ отношеніи любовь къ охотѣ Алексѣя Михайловича. И въ женскомъ терему дышалось легче въ деревнѣ, на воздухѣ: здѣсь не было стѣснительнаго городского надзора. Боярскимъ дочерямъ удавалось съ деревенскими дѣвушками и въ игры поиграть, и пѣсни попѣть, и въ лѣсъ сходить за ягодами, а вечеромъ и покататься на качеляхъ и доскахъ.

Удавалось иногда вмѣстѣ съ хозяйкой дома посмотреть и пляску холоповъ, хотя церковь и къ этому относилась отрицательно: «не зрите плясанія и иныхъ бѣсовскихъ всякихъ игоръ злыхъ прелестныхъ, да не

прельщены будете, зряще и слушающе игорь всякихъ бѣсовскихъ, такъ-вья суть нарекутся сатанины любовницы»;—такъ говорила церковь, но «многовертимое плясаніе» было такъ завлекательно, что и къ голосу, церкви женская половина боярскаго терема оставалась равнодушной.

IV. Домашніе праздники.

Съ большой торжественностью праздновались въ домѣ боярина разныя семейныя событія. Рожденіе ребенка, крестины, именины, бракъ—все это событія радостныя по существу, и бояринъ, какъ и всѣ русскіе, старался отмѣтить такіе дни большимъ семейнымъ торжествомъ. Домашнія торжества по поводу рожденія ребенка открывались «молебнымъ пѣніемъ» и раздачей милостыни «увѣчнымъ и убогимъ». Родильницѣ приносили поздравленіе и дарили обыкновенно на счастье деньги; на мужской половинѣ для поздравителей устраивался особый родильный столъ. Иногда бояре ходили и «били челомъ» по этому поводу патриарху, принося ему что-нибудь съ родильнаго стола. На восьмой или сороковой день въ домѣ вторичное торжество—крестины. Крестили большею частью въ церквахъ и рѣдко въ домахъ. При крещеніи на младенца надѣвался металлическій крестъ, который оставался на немъ въ теченіе всей жизни, и потерять который считалось величайшимъ несчастьемъ. Послѣ обряда духовенство и приглашенные шли въ домъ «на крестинный столъ», съ котораго кое-что попадало и нищимъ. По случаю именинъ устраивался именинный столъ. Съ утра именинники или именинницы рассылали гостямъ пироги, при чемъ именинникъ относилъ лично такой пирогъ царю и патриарху.

Патриархъ благословлялъ имепинника иконой, а гости, пріѣхавшіе къ имепинному столу, приносили именинникамъ матеріи, кубки и деньги.

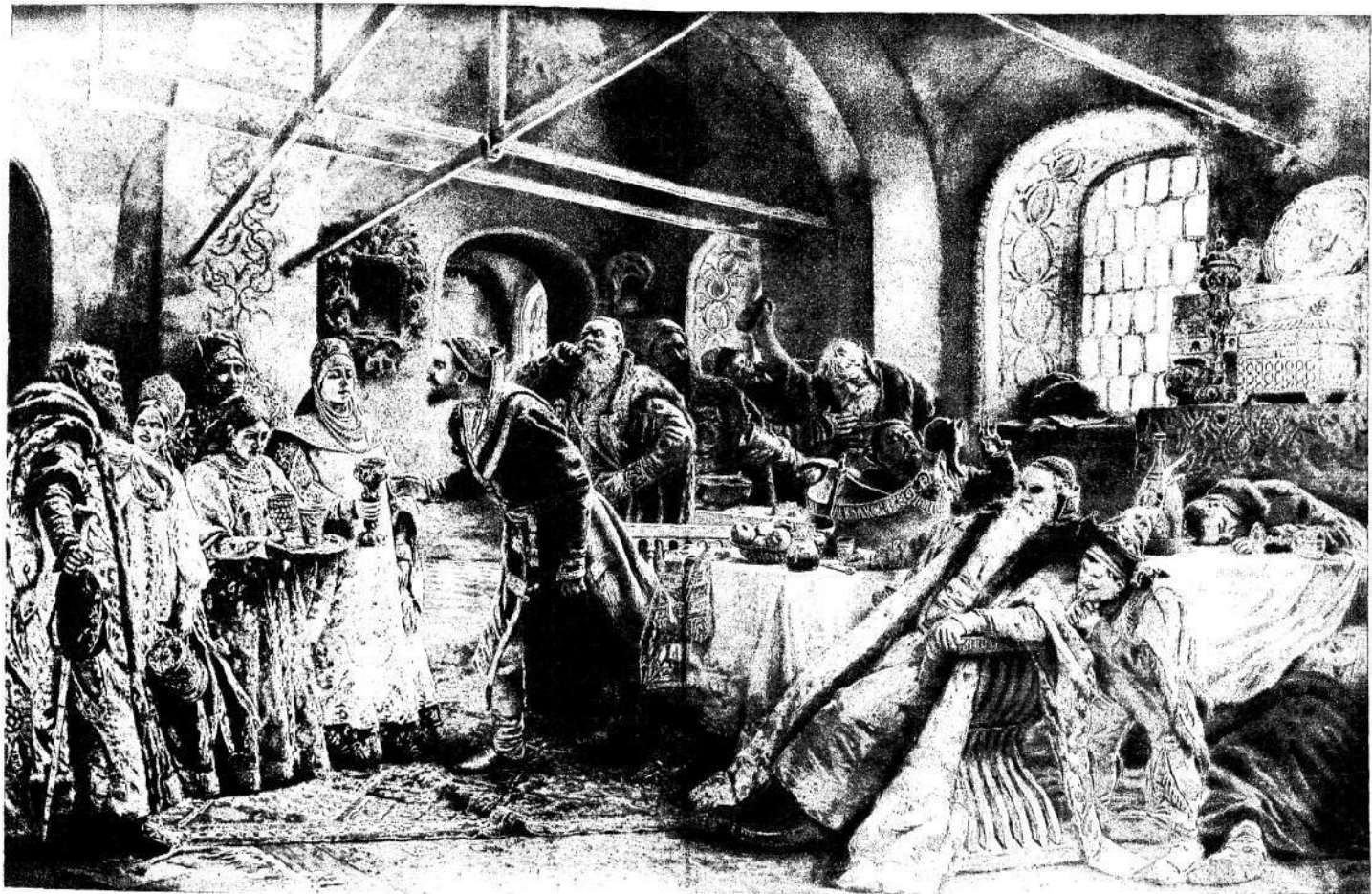
Но едва ли не главнымъ событіемъ въ домѣ бояръ была свадьба, справлявшаяся въ высшей степени торжественно со всевозможнымъ для того времени блескомъ и сопровождавшаяся многочисленными обрядами. При тогдашнемъ взглядѣ на женщину молодежь не могла, конечно, свободно видѣться и уговориться относительно брака. Послѣдній намѣчался родителями обѣихъ сторонъ и представлялъ изъ себя самую обыкновенную гражданскую сдѣлку, обезпеченную съ обѣихъ сторонъ неустойками. Бояре женили своихъ сыновей рано, и какъ только наступало время—начинали подыскивать невѣсту, не говоря часто ни слова о томъ своему сыну. Послѣдній иногда узнавалъ объ этомъ только тогда, когда всѣ предварительные переговоры были кончены, и слѣдовало приступить къ заключенію брачнаго контракта. Переговоры обѣихъ сторонъ велись медленно; ни одна изъ сторонъ не желала показать, что она заинтересована въ бракѣ. Когда обѣ стороны приходили къ соглашенію относительно характера и размѣровъ приданаго, тогда родственники жениха высказывали желаніе посмотреть невѣсту.

Обыкновенно родители невѣсты давали свое согласіе, и тогда для этой цѣли ѣхала или мать жениха, или какая-нибудь родственница. Смо-

трины невѣсты происходили по-разному. Невѣсту, одѣтую въ лучшее платье, сажали за столъ съ гостями; рядомъ съ ней сажали смотрильщицу, которая и должна была развѣдать о качествахъ невѣсты, «хороша ли она, не безъязычна ли и рѣчью во всемъ исполнена». Отвѣтъ смотрильщицы имѣлъ для жениха рѣшающее значеніе. Случалось, что во время смотрины показывали не ту, которую выдавали замужъ. Когда послѣ вѣнчанія открывался обманъ, потерпѣвшему оставалось одно—жаловаться духовнымъ властямъ, которыя иногда, по разслѣдованіи дѣла, расторгали бракъ, что, впрочемъ, бывало довольно рѣдко. Обыкновенно супругамъ приходилось доживать дни вмѣстѣ, и только постриженіе да скоропостижная смерть, подчасъ насильственная, освобождали супруга отъ ненавистной для него жены.

Послѣ смотрины происходилъ такъ называемый сговоръ. Въ назначенный день женихъ, родители жениха и ближайшіе родственники прѣзжали къ родителямъ невѣсты. Гостей встрѣчали со всевозможными почестями и сажали подъ образа. Послѣ продолжительнаго молчанія приступали къ заключенію свадебной рядной записи, въ которой точно записывались размѣры приданата, и назначался срокъ для церковнаго вѣнчанія. Сроки бывали различныя: Котошихинъ отмѣчаетъ, что свадьбы совершались спустя недѣлю, мѣсяцъ, полгода, даже больше послѣ сговора. Если къ установленному сроку какая-нибудь изъ сторонъ отказывалась отъ брака, то платилась неустойка, размѣръ которой опредѣлялся въ записи.

Свадьбы разстраивались по разнымъ причинамъ: потерпѣвшая сторона обращалась къ патриарху, который разбиралъ дѣло и рѣшалъ, кто долженъ платить неустойку. Въ Москвѣ было всегда много досужихъ любителей и любительницъ разстраивать браки; стоило только шепнуть жениху, что его невѣста «въ дѣвствѣ своемъ нечиста, или глупа, или нѣма, или увѣчна, и что-нибудь худое за ней провѣдаютъ и скажутъ», а невѣстѣ, что ея женихъ «пьяница или зерныцкѣ, или уродливъ», — какъ бракъ разстраивался. Въ назначенный для свадьбы день къ жениху прѣзжали родственники и чужіе люди, исполнявшіе во время свадьбы различныя свадебныя должности. Тутъ можно отмѣтить тысяцкаго, родителей жениха или посаженныкъ отца и мать, если не было родныхъ родителей; отецъ и мать жениха благословляли его на бракъ, а родители невѣсты выдавали невѣсту; сидячіе бояре и боярыни, сопровождавшіе жениха въ церковь; наконецъ, свѣчники, коровайники, фонарщики — изъ числа прислуги. Едва ли не самой главной должностью былъ ясельничій или конюшній, обязанности котораго состояли во томъ, чтобы во время свадебнаго торжества не случилось какого-нибудь колдовства, порчи, лиха. Наканунѣ свадьбы собирались гости и жениха, и невѣсты. Пировали, пѣли пѣсни, провожали молодость. Вѣнчаніе происходило вечеромъ или послѣ обѣдни. Когда жениху дадутъ знать, что невѣста готова идти къ вѣнцу, то женихъ немедленно отправлялся со своими поѣзжанами въ домъ невѣсты. Впереди шли коровайники съ короваями, потомъ свѣчники и фонарники, священникъ съ крестомъ, бояре, затѣмъ женихъ подъ руку съ тысяцкимъ и поѣзжане.

Маковский.

Подълунный обрядъ.

Историческое
прошлое
и настоящее

Жениху устраивалась торжественная встрѣча. Его вводили въ залу, гдѣ уже ожидала невѣста. Такъ впервые лицомъ къ лицу сталкивались женихъ съ невѣстой. Впрочемъ, невѣста оставалась съ покрытымъ лицомъ. Затѣмъ, съ благословенія священника, зажигались свадебныя свѣчи и приступали къ чесанію и обкручиванію невѣсты.

Сваха снимала съ нея покрывало, потомъ вѣнокъ, а другая женщина подносила кичу и гребень. Гребнемъ, омоченнымъ въ чарку съ медомъ, расчесывали волосы, затѣмъ скручивали ихъ и надѣвали кичу, послѣ чего лицо закрывали фатой.

Во время этого обряда женихъ не могъ видѣть невѣсты, такъ какъ ихъ раздѣлялъ протянутый большой кусокъ фаты. Весь этотъ обрядъ сопровождался пѣніемъ свадебныхъ пѣсенъ, а гости пили и ѣли разныя яства. Послѣ третьяго яства сваха просила у родителей благословенія—вести молодыхъ къ вѣнцу. Тотчасъ же подымались родители и благословляли образами, а новобрачные кланялись и принимали благословеніе. Затѣмъ отецъ и мать обмѣпивали ихъ кольца, послѣ чего всѣ направлялись въ церковь. У крыльца садились на богато осѣдланыхъ лошадей или въ колымаги, если была плохая погода. Колымага или сани невѣсты покрывались бархатомъ и коврами. Съ невѣстой садилась сваха. Когда молодые входили въ церковь, ясельничій оставался около церкви «оберегать свадебный поѣздъ», чтобы не случилось какого-нибудь колдовства и чтобы кто-нибудь не перешелъ дороги между конемъ жениха и экипажемъ невѣсты. Послѣ церковнаго вѣнчанія присутствовавшіе поздравляли обвѣнчавшихся, а тысяцкій посылалъ гонца къ родителямъ невѣсты съ извѣстіемъ о благополучномъ совершеніи бракосочетанія. Тутъ же разрѣзали каравай, а священникъ разсылалъ его отцамъ обоихъ семействъ въ знакъ будущей пріязни. При выходѣ невѣсты изъ церкви ее осыпали сѣменами льна и конопли. Поѣздъ отправлялся въ домъ мужа. Родные съ образомъ и хлѣбомъ-солью встрѣчали новобрачныхъ. Затѣмъ садились за столъ и начинался свадебный пиръ, во время котораго новобрачной открывали лицо. Во время свадебнаго пира новобрачнымъ ничего не полагалось ѣсть, а послѣ подачи третьяго блюда-лебеда—новобрачные шли «опочивать». Гости продолжали пировать. Комната новобрачныхъ охранялась ясельничимъ. На другой день новобрачныхъ вели въ отдѣльныя бани, гдѣ ихъ мыли виномъ и медомъ. Мытье въ банѣ имѣло огромное значеніе для новобрачной. Мать мужа и сваха должны были убѣдиться, дѣйствительно ли невѣста сохранила дѣвственность, или нѣтъ. Если вещественныя доказательства были налицо, новобрачные ѣхали къ родителямъ невѣсты, которыхъ молодой мужъ благодарилъ за воспитаніе его жены и просилъ всѣхъ гостей «невѣстичина» къ себѣ на пиръ, во время котораго новобрачныхъ одаривали подарками, а они, съ своей стороны, подносили дары свадебнымъ чинамъ.

Въ этотъ же день новобрачный, какъ имѣвшій право пріѣзда ко двору, отправлялся во дворецъ. Государь принималъ сидя и въ шапкѣ. Всѣ кланялись въ землю. Государь спрашивалъ о здоровьи новобрачныхъ, поздравлялъ съ вступленіемъ въ бракъ, благословлялъ ихъ образами и жаловалъ

подарками, въ видѣ соболей, бархата, атласа, камки и тафты, серебряныхъ сосудовъ, а въ заключеніе всѣмъ прибывшимъ подносили по кубку романап. Новобрачная къ царицѣ не ѣздила, а посылала и царицѣ, и царевнамъ подарки, шитые золотомъ и серебромъ тафтяные убрусы. По словамъ Котошихина, если обнаруживалось, что невѣста не сохранила дѣвства, то новобрачный не имѣлъ права явиться къ царю.

На третій день послѣ брака былъ большой пиръ у родителей невѣсты, сопровождавшійся большимъ разгуломъ. Наконецъ, и новоселье сопровождалось большимъ праздникомъ. Служили молебень, потомъ торжественно освящали помѣщеніе; приходили гости, родные и знакомые. Гости приносили хлѣбъ - соль, какъ символы обилія и благополучія.

V. Боярскій дворовый чинъ.

Боярскій дворъ самъ по себѣ представлялъ самодовлѣющее хозяйство, принимавшее иногда значительные размѣры въ виду соединенія въ одномъ дворѣ нѣсколькихъ родственныхъ семействъ, жившихъ между собой не въ раздѣлѣ. Сложность и разнообразіе хозяйства требовали достаточнаго количества слугъ, найти которыхъ было вполнѣ возможно, благодаря сильно развитому полному или кабальному холопству, наконецъ, просто бѣглымъ людямъ. Число такихъ слугъ въ домахъ нѣкоторыхъ бояръ доходило до 1000; но, вѣроятно, подобное обиліе слугъ являлось исключеніемъ, если только Котошихинъ правильно передалъ эту цифру. Въ домѣ богатаго боярина можно было встрѣтить въ числѣ мастеровыхъ людей поваровъ, хлѣбника, квасовара, столяра, сапожника, кузнеца, коновала, швей, сто-рожа и разныхъ другихъ слугъ безъ опредѣленныхъ занятій. Общее завѣдываніе всѣми слугами входило въ обязанности ключника и дворецкого. Первый фактически велъ хозяйство, еженедѣльно отчитываясь передъ хозяиномъ въ израсходованныхъ суммахъ; второй завѣдывалъ собственно дворовыми людьми, слѣдя за ихъ поведеніемъ и донося обо всемъ случившемся хозяину; онъ же разбиралъ споры между слугами и наказывалъ ихъ по приказанію господина.

Женская прислуга находилась въ завѣдываніи хозяйки дома или особой ключницы; часть ея исполняла въ домѣ необходимыя черныя работы, — топила печи, мыла, приготовляла разные запасы; другая часть занималась вышиваніемъ и вообще шитьемъ совмѣстно съ госпожей. Изъ числа домашнихъ слугъ назначались управители въ вотчины.

Весь домовый штатъ дѣлится на три статьи: большую, среднюю и меньшую. Въ зависимости отъ принадлежности къ той или другой статьѣ имъ назначалось жалованье. Одни получали денежное вознагражденіе по-годно и содержанье; другіе же только денежное жалованье, колебавшееся отъ 2 до 10 руб. въ годъ. Независимо отъ этого хозяева жаловали иногда платьемъ и блюдами слугъ, къ которымъ относились особенно мило-стиво. Внѣшній видъ слугъ не былъ особенно привлекателенъ: ходили они, большею частью, въ разорванныхъ одеждахъ, и только во время пріѣзда гостей доставалось изъ кладовыхъ особое носильное платье, которое вы-

давалось слугамъ, но зато послѣдніе должны были вернуть его въ полной исправности подъ угрозой жестокаго наказанія. Женатые дворовые люди помѣщались въ особыхъ избахъ, при чемъ часто въ одной избѣ соединялось нѣсколько семей, холостые же или дѣвушки жили въ специально построенныхъ для этого помѣщеніяхъ или находились при господской поварнѣ, мыльнѣ, конюшнѣ, сараяхъ. Часть дѣвушекъ, занимавшихся вышиваніемъ, жила въ боярскихъ покояхъ и спала въ сѣняхъ, отъ чего и пріобрѣли названіе сѣнныхъ. Въ большинствѣ случаевъ жизнь дворовыхъ людей складывалась плохо: хозяева плохо кормили и одѣвали ихъ, часто держа прямо впроголодь. Недаромъ боярскіе холопы составляли разбойничьи шайки, грабя всѣхъ проходящихъ и проѣзжавшихъ. Особенно увеличивалось ихъ количество во время голода.

За всякое неповиновеніе и провинность холопа подвергали тѣлесному наказанію, и хотя Домострой рекомендовалъ «не увѣчить и не калѣчить», но эти правила для жестокаго хозяина не имѣли, конечно, и не могли имѣть значенія. Бывали случаи насилуванія женъ рабовъ и растлѣнія дѣвокъ. И все это проходило безнаказанно. Браки между холопами и холопками заключались по усмотрѣнію хозяина, имѣвшаго всегда въ виду однѣ экономическія цѣли.

VI. Бояринъ въ своей вотчинѣ.

По разнымъ уѣздамъ были разбросаны боярскія крѣпостныя вотчины и помѣстья, доходы съ которыхъ обезпечивали содержаніе бояръ и ихъ домочадцевъ. Понятно, почему бояре, жившіе постоянно въ столицѣ, лишеныя поэтому возможности непосредственно вести хозяйство, тѣмъ не менѣ слѣдили за его постановкой, вводили всякаго рода усовершенствованія, не упуская изъ виду даже мелочей.

Фактически завѣдываніе хозяйствомъ находилось въ рукахъ приказчика, получавшаго всѣ распоряженія непосредственно отъ вотчинника и не имѣвшаго рѣшительно никакой самостоятельности. Для завѣдыванія вотчиннымъ хозяйствомъ во дворѣ боярина находился особый приказъ, куда поступали всѣ донесенія приказчика и челобитья крестьянъ, и откуда за подписью боярина или лица, завѣдывавшаго приказомъ, разсылались всѣ распоряженія по вотчинному хозяйству. Управление вотчиннымъ хозяйствомъ складывалось вообще по типу управленія въ государствѣ. Бояринъ для своей вотчины являлся такимъ же абсолютнымъ монархомъ, какимъ являлся «царь всея Руси» для всего населенія. Какъ царская власть управляла государствомъ при содѣйствіи центральныхъ и провинціальныхъ учреждений, фактически лишеныя самостоятельности даже въ предѣлахъ дѣйствующаго права и поступавшихъ по указанію отъ правительства, такъ и бояринъ управлялъ всѣмъ вотчиннымъ хозяйствомъ при содѣйствіи вотчинныхъ приказовъ, куда поступали всевозможныя дѣла, связанные съ вотчиннымъ хозяйствомъ, и довѣренныхъ лицъ — приказчиковъ, обыкновенно изъ числа холоповъ и изрѣдка изъ среды провинціальныхъ служилыхъ людей. И та, и другая система была построена на принципѣ централизаціи, допускающей существованіе рядомъ съ собой самоуправляющихся

лировъ только въ видѣ вспомогательныхъ органовъ для лучшаго исполненія распоряженій центральной власти. Система централизаціи въ XVII вѣкѣ страдала отсутствіемъ организаціи контроля надъ управленіемъ и довела къ множеству злоупотребленій со стороны должностныхъ лицъ. Населеніе не имѣло подъ руками никакихъ средствъ для борьбы съ ними за исключеніемъ посылки челобитій въ Москву, а правительство находило въ интересахъ контроля наиболѣе подходящимъ средствомъ возможно частую смѣну должностныхъ лицъ, болышею частію ежегодно. И приказчикъ, посланный въ вотчину, представляя собою боярина, на практикѣ допускалъ значительныя отклоненія отъ господскихъ распоряженій, довольно безцеремонно эксплуатируя управляемыхъ крестьянъ. У послѣднихъ оставалось только одно—обратиться съ челобитьемъ къ боярину, что они и дѣлали. Населеніе обращалось къ центральному правительству не только съ жалобами на провинціальныхъ агентовъ правительства, но и съ различными просьбами, напр., объ уменьшеніи налоговъ, сложной недоимокъ, отсрочекъ платежей.

Такія просьбы правительство въ большинствѣ случаевъ удовлетворяло, если находило выставленныя причины заслуживающими вниманія.

Съ такими же просьбами обращаются и крестьяне той или другой вотчины, и тоже не всегда ихъ просьбы бывали безрезультатны. Какъ ни склонна была вотчинная власть извлекать изъ вотчины возможно болышій доходъ, довольно часто не считаясь съ платежными силами населенія, однако, чувство самосохраненія заставляло быть болѣе внимательнымъ къ челобитьямъ крестьянъ и удовлетворять ихъ просьбы изъ боязни, что неудовлетвореніе просьбы повлечетъ за собой бѣгство крестьянъ и сокращеніе платежеспособности.

Правительство XVII вѣка уже отчасти сознавало необходимость подъема производительности народнаго хозяйства, такъ какъ однимъ только повышеніемъ налоговъ не было никакой возможности удовлетворять все растущія государственныя повинности и нужды. Но то, что правительство болѣе чувствовало, чѣмъ сознавало, то болыше бояре приводили въ исполненіе, устраивая въ вотчинѣ различнаго рода заводы, заводи интенсивное сельское хозяйство,—и все это въ интересахъ увеличенія доходности съ вотчины. Правда, не всѣ бояре являлись изобрѣтательными хозяевами, но, во всякомъ случаѣ, это справедливо относительно нѣкоторыхъ, наиболѣе ловкихъ и смѣтливыхъ; такковы, напримѣръ, Морозовъ, князь Одоевскій. Какъ правительственному агенту приходилось временами проявлять болышую изворотливость и ловкость въ исполненіи самыхъ разнообразныхъ правительственныхъ порученій, такъ и боярскій приказчикъ, заведывая сложнымъ хозяйствомъ, долженъ былъ обнаруживать болышую пронырливость и сноровку, удовлетворяя разныя требованія и желанія вотчинника и самого правительства.

Какъ воевода, уѣзжавшій на воеводство, получалъ изъ рукъ правительства «наказъ», которымъ подробно опредѣлялся кругъ его обязанностей, такъ и приказчикъ при своемъ назначеніи «на приказъ» получалъ отъ боярина «наказъ», въ которомъ такъ же подробно излагались его

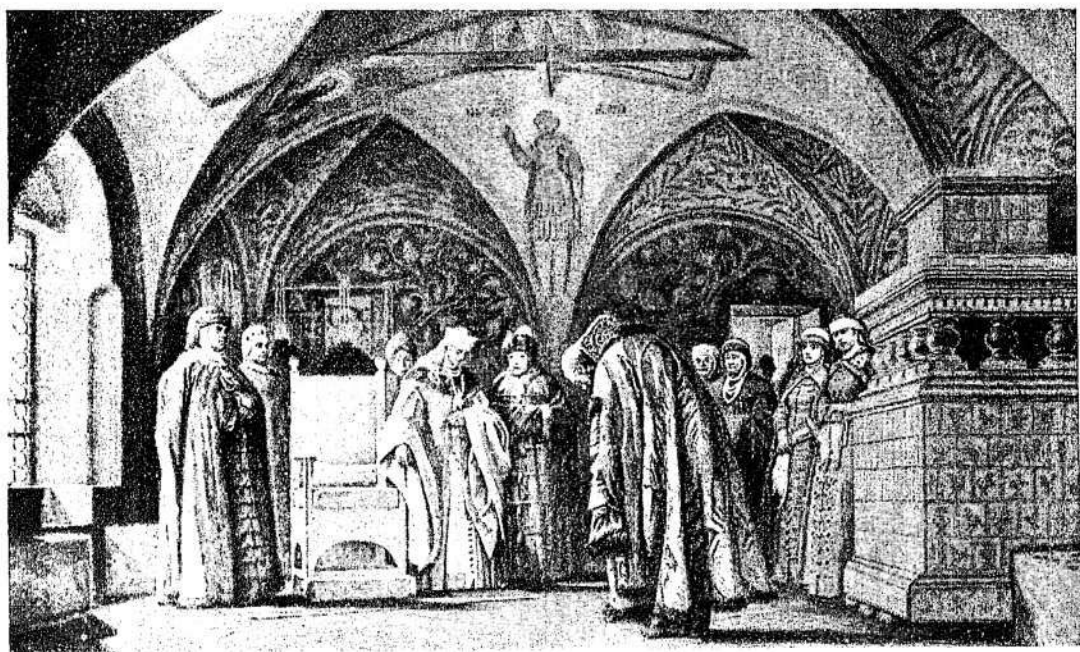

Лебедевъ, В. К.

Боярская свадьба.

Картина находится въ Третьяк. гал. въ Москвѣ.

Шварцъ, В. Г.

Жарьченіе царской невесты.

Картина находится въ Третьяк. гал. въ Москвѣ.

обязанности. Приказчикъ долженъ былъ держаться точнаго смысла наказа: если дѣйствительность не подходила подъ рамки наказа, то приказчикъ долженъ былъ требовать дополнительныхъ распоряженій. Приказчику, по прїѣздѣ на мѣсто, поручалось принять сначала отъ прежняго приказчика квартиру со всякимъ вотчиннымъ и дворовымъ строеніемъ и хлѣбомъ, и во всемъ съ нимъ «росписаться»; также «переписать крестьянъ вотчины и ихъ дѣтей, и братьевъ, и племянниковъ, и внучатъ, и захребетниковъ, съ отцы и съ прозвищи, и что надъ кѣмъ тягла, и тому всему учиня росписные и крестьянамъ переписные книги, прислать къ Москвѣ». Переписныя книги составлялись обыкновенно такъ: приказчикъ совместно съ добрыми людьми долженъ былъ произвести осмотръ всей вотчинной землѣ, провѣрить межи, угодыя, лѣса, сѣнные покосы, и все это записать въ книгу по отдѣльнымъ статьямъ.

Оригиналъ, часто скрѣпленный подписью приходскаго священника, посылался въ Москву, а копія оставалась у приказчика. Далѣе въ наказѣ перечисляются обязанности приказчика. Прежде всего ему поручалась вотчинная власть отъ имени помѣщика «крестьянъ вѣдать, и судить, и расправу межъ ними чинить, и отъ всякихъ обидъ оберегать; безволочитно, безпосульно, судить въ правду праваго виноватымъ, а виноватаго правымъ чинить». Судить приказчикъ не одинъ, а съ цѣловальниками и лучшими людьми, выбранными міромъ. Эти выборные не только присутствовали на судѣ приказчика, являясь инстанціей, которой приказчикъ отдавалъ свои хозяйственныя распоряженія, а староста и цѣловальники передавали ихъ своимъ односельчанамъ: на ихъ имя присылались также распоряженія и отвѣты на челобитья, подаваемые старостами отъ лица всей вотчины. Помимо суда приказчику поручалось обратить особенное вниманіе на раздѣленіе тягловыхъ участковъ «въ правду, безъ поноровки и безпосульно, не нароя никому». Въ его же рукахъ сосредоточивается и полицейскій надзоръ, осуществляемый при посредствѣ выбранныхъ «заказчиковъ», «чтобы у крестьянъ воровскимъ людямъ прїѣзду не было». Поэтому крестьянинъ никогда не могъ принять къ себѣ какого-нибудь проѣзжаго, не заявивъ объ этомъ «заказчику», которому заявлялось также и объ ихъ отъѣздѣ; онъ, въ свою очередь, заявлялъ о томъ же приказчику. Заказчики наблюдали также за тѣмъ, чтобы «крестьяне у воровъ лошадей, разбойныхъ и краденыхъ, и никакой такой же рухляди не покупали, и сами бы не воровали и съ ворами бѣ не знали». Въ интересахъ того же обереганія крестьянъ отъ воровъ приказчикъ выдавалъ отъ имени боярина проѣзжія памяти, безъ которой ни одинъ крестьянинъ не имѣлъ права выѣхать. И надзоръ за нравственностью крестьянъ лежалъ на приказчикѣ, который долженъ былъ требовать отъ крестьянъ, «чтобы крестьяне на продажу вина не сидѣли и табаку не держали, и не пили и не продавали и зернью и картами не играли и плашками не метали и въ кабакахъ не пропивались». Впрочемъ, разрѣшалось дѣлать отступленія: крестьяне могли курить вино и варить пиво для домашняго употребленія по случаю различныхъ домашнихъ торжествъ: крестинъ, родинъ, свадьбы. Виновныхъ въ нарушеніи наказа приказчикъ имѣлъ право садить въ тюрьму, въ колоду, въ

желѣза, биты батогами и даже кнутомъ. Кроме того, приказчикъ долженъ исправно собирать все помѣщичьи доходы и производить добросовѣстно поручаемыя ему хозяйственныя разсѣдованія: «а если солжешь, говорится въ одномъ наказѣ, неправдою слыщешь, и тебѣ отъ меня быть въ наказаніи, не токмо, что наживешь, и старое потеряешь».

Одновременно съ наказомъ приказчику и крестьянамъ вотчины въ лицѣ старосты и лучшихъ людей посылался приказъ: «приказчика во всемъ слушать и подѣ судѣ къ нему ходить, и оброчныя деньги, и столовые обиходы платить по срокамъ, а не послѣ срока». Обыкновенно отъ вотчинника назначался «приказчиковъ доходъ», который онъ самъ и собиралъ съ разныхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, что, конечно, вело къ разнаго рода злоупотребленіямъ, иногда очень тяжело отражавшимся на

Христа славятъ. Съ карт. Горюшкина-Скоропудова.

крестьянскомъ благосостояніи. Единственнымъ выходомъ изъ создававшагося положенія дѣлъ была частая смѣна приказчиковъ, управлявшихъ иногда вотчинами годъ или два.

Хозяйство въ боярскихъ вотчинахъ складывалось по-разному въ зависимости отъ разныхъ естественныхъ условий: въ однѣхъ вотчинахъ преобладало оброчное хозяйство; въ другихъ—барщинное или смѣшанное; въ третьихъ—бояринъ стремился развить промышленную дѣятельность своихъ крестьянъ. Въ зависимости отъ характера системы хозяйства и складывался помѣщичій доходъ. При системѣ оброчнаго хозяйства онъ заключался въ оброчныхъ деньгахъ и такъ называемомъ мелкомъ доходѣ или столовыхъ запасахъ, добавочныхъ доходахъ натурою, поступавшихъ въ видѣ домашней птицы, скота и всякихъ продуктовъ: хлѣба, яицъ, куриць. Оброкъ и мелкій доходъ собирался съ каждаго домохозяина, при чемъ размѣры его опредѣлялись на сходѣ міромъ и были до крайности разно-

образны. Этотъ добавочный налогъ увеличивался, вѣроятно, въ мѣстностяхъ, близкихъ къ Москвѣ. Такъ, въ вотчинахъ Морозова съ 11—12—16 дворовъ или одной выти шло: 2 пуда свиного мяса, 1 гусь, 1 поросенокъ, 30 аршинъ холста; въ другихъ вотчинахъ, кромѣ того, 1 утка, 8 куръ, известное количество масла, сотня или полсотни яицъ. Конечно, столовые запасы варьировались по мѣстностямъ въ зависимости отъ состоянія крестьянскихъ промысловъ и хозяйства: поэтому изъ однихъ вотчинъ присылали рыбу и рожь, изъ другихъ — малину, ягоды, бруснику, грибы, посуду, ложки, чашки. Оброчный доходъ складывался не только изъ платы за землю: въ некоторыхъ мѣстахъ вотчинники отдавали крестьянамъ за оброкъ лавки, кузницы, харчевни, бани и проруби. Словомъ, если какую-нибудь статью хозяйства бояринъ самъ не эксплуатировалъ въ свою пользу, то она отдавалась за оброкъ крестьянамъ. Оброчныя деньги и столовые запасы доставлялись въ Москву къ Рождеству зимою и лѣтомъ — къ Петрову дню. Такъ было въ вотчинахъ Морозова.

Обыкновенно въ ноябрѣ приказчикамъ посылалась грамота, въ которой точно опредѣлялось, что должна доставить каждая вотчина. Все это составлялось на основаніи справки изъ домового приказа. Часто съ приказомъ о «столовыхъ запасахъ» отдавалось приказаніе приготовить къ известному времени тѣ или другіе запасы, или на вотчину возлагалась ихъ покупка; такъ, въ одной грамотѣ бояринъ писалъ: «да взять тебѣ подать съ Мурышкинскихъ и Лысковскихъ кабаковъ про мой обиходъ 500 ведръ вина добраго и противъ вина дать смѣнясь хлѣба. Да изготовить про мой обиходъ 40 четей пшеницы доброй... да купить 100 осетровъ и астраханскихъ, да осеннихъ осетровъ и бѣлугъ съ 30 или больше да 100 лучковъ вязиги, да 10 пуд. сала говьяжя на свѣчи»...

Въ общемъ, необходимо отмѣтить, что боярскіе приказы касаются всѣхъ мелочей столоваго обихода.

Иногда среди года отдавался приказъ поставить какую-нибудь статью: когда Морозову въ 1650 г. понадобились скворцы, то было отдано распоряженіе «во всѣхъ нижегородскихъ и арзамасскихъ вотчинахъ, у кого есть у охотниковъ скворцы, собрать у всѣхъ и прислать ко мнѣ и велѣть сдѣлать клетку большую и обить войлокомъ, чтобы до Москвы везучи не поморозить».

Иногда требованіе экстраординарныхъ столовыхъ запасовъ ограничивалось деревянной и оловянной посудой, солеными грибами, ягодами.

Если въ вотчинѣ крестьяне были на барщинѣ, то въ Москву посылались только одни столовые запасы. Собранные столовые запасы отправлялись на крестьянскихъ подводахъ въ Москву, гдѣ на боярскомъ дворѣ принимались по счету. Если при пріемѣ чего-нибудь не доставало или оказывалось испорченнымъ, то отвѣтчикомъ являлся приказчикъ. О полученіи припасовъ бояринъ отвѣчалъ приказчику, указывая, что и какъ принято, такъ какъ порчу припасовъ бояринъ, напр., Морозовъ, объяснялъ нерадѣніемъ и небреженіемъ приказчика. Подъ надзоромъ и руководствомъ приказчика при посредствѣ старостъ и земскихъ цѣловальниковъ крестьяне должны были своевременно отправлять воеводѣ государевы

денег¹⁾). Боярину приходилось писать не только одному приказчику, получая отъ него въ свою очередь отписки и донесенія. Крестьянскій міръ обращался къ нему часто съ челобитьями. Они поступали отъ всего міра, отъ отдѣльныхъ лицъ, отъ духовенства той или другой вотчины. Содержаніе челобитій самое разнообразное: тутъ и просьба объ уменьшеніи оброка или столовыхъ запасовъ, жалоба на приказчика, просьба объ отпускѣ на промыслы и выдачѣ хлѣба на сѣмена; словомъ, крестьянскій міръ обращался къ своему вотчиннику по самымъ разнообразнымъ хозяйственнымъ дѣламъ. Среди дошедшихъ челобитій большинство съ просьбой о всякихъ льготахъ съ указаніемъ на тяжелое экономическое положеніе; оканчиваются они обыкновенно угрозою разбѣжаться: «чтобы намъ, сиротамъ, прожить за вами, государи, было нѣ мочѣ, и домишковъ своихъ избыть, и въ розни не разбрестися».

Крестьяне Морозова просятъ объ уменьшеніи оброка, такъ какъ «саранча хлѣбъ ржаной и яровой на поляхъ поѣла и въ гумнахъ и огородахъ ояонцъ и траву поѣла, а иное градомъ побило... и оттого государеву оброку... мы, сироты твои, оскудали и многіе изъ насъ скитаются по міру»... О томъ же просятъ по случаю дурного улова рыбы... Въ неурожайный годъ крестьяне обращаются съ просьбой «отпустить ихъ кормиться въ міръ, или по окольнымъ вотчинамъ». Бывали случаи, когда крестьянинъ «за скудностью своею уходилъ кормиться міромъ на годъ, чтобы въ конецъ не погибнуть, и голодомъ съ ребятишки не помереть».

Довольно часто крестьяне обращаются за ссудой на сѣмена и продовольствіе въ видѣ заемнаго хлѣба, который они должны были возвращать изъ слѣдующаго урожая. Впрочемъ, крестьяне нерѣдко подавали челобитье о сложеніи недоимки по разнымъ соображеніямъ. Князю Одоевскому крестьяне подавали челобитья о сбавкѣ съ нихъ тяглой земли, о разрѣшеніи нѣкоторое время пожить въ бобыляхъ, «а какъ меня Богъ справитъ, говорится въ одномъ прошеніи, и азъ радъ жить за вами, государи, попрежнему въ крестьянахъ».

Подавались челобитья объ отозваніи приказчика, «потому что насъ, сиротъ, бьетъ и мучаетъ не про дѣло, а безъ вины, и многихъ насъ, сиротъ, изувѣчилъ и глаза подбилъ, у иныхъ скушу переломилъ, посылаетъ насъ на работу до свѣта за два часа, а съ работы спускаетъ въ часъ ночи». На всѣ такія челобитья вотчинникъ давалъ отвѣтъ, писавшійся тутъ же на челобитной. Иногда резолюція была окончательной, иногда требовались предварительныя справки либо отъ приказчика, либо отъ всего міра. Такъ, когда шла рѣчь о сбавкѣ тягла, кн. Одоевскій писалъ крестьянамъ въ лицѣ старосты и выборныхъ: «допросить всѣхъ крестьянъ, можно ли ему на томъ тяглѣ быть, и будетъ не можно, и съ него тягла сбавить и положить, на кого міромъ укажутъ, а на немъ тягла оставить по силѣ». Часто на основаніи заявленій міра вотчинникъ отвѣчалъ отказомъ: «всѣ крестьяне сказали, что ему можно на томъ тяглѣ быть...» Можно сказать утвердительно, что во всѣхъ случаяхъ, когда шла рѣчь о сбавкѣ тягла и

1) Стрѣлецкій хлѣбъ, запросный четвериковскій хлѣбъ, ямскіи и полонянскіи денги.

Храмъ Знаменія Пр. Богородицы въ Дубовицахъ, въ имѣнїи гг. Голицына.

о переложении его на болѣе состоятельнаго, обращались къ рѣшенію крестьянскаго міра.

Не всегда бояринъ довѣрялъ челобитію крестьянъ: такъ, въ одной челобитной крестьяне одной изъ Морозовскихъ вотчинъ просили объ уменьшеніи оброка, ссылаясь на неурожай. Морозовъ не удовлетворилъ просьбы крестьянъ, ссылаясь на недостаточную мотивировку: такъ какъ у сосѣдняго монастыря въ то же лѣто былъ хорошій урожай, то въ неурожаѣ виноваты сами его крестьяне своею лѣностью. Между бояриномъ и приказчикомъ поддерживалась постоянная переписка. Обыкновенно изъ Москвы отдавались приказчику соотвѣтствующія хозяйственныя распоряженія о началѣ работъ, о производствѣ разныхъ усовершенствованій въ хозяйствѣ. Хотя приказчикъ являлся только исполнителемъ хозяйскихъ порученій, но фактически отвѣтственность за ходъ сельско-хозяйственныхъ работъ лежала на немъ. Поэтому приказчикъ часто забрасывалъ письмами боярина, прося его указаній относительно тѣхъ или другихъ хозяйственныхъ мелочей, указывая на необходимость начала сѣнокоса или жатвы и испрашивая поэтому соотвѣтствующихъ приказаній. Конечно, сидя въ Москвѣ, трудно было услѣдить за всѣми метеорологическими измѣненіями; отсюда случались частые промахи въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ: упускалось удобное время для сѣнокоса, жатвы.. Приказчикъ, конечно, не былъ виноватъ, но вся отвѣтственность падала на него.

Уложеніе царя Алексѣя Михайловича предоставляло вотчинникамъ право переводить крестьянъ изъ одной вотчины въ другую. Такіе переводы основывались на разныхъ хозяйственныхъ соображеніяхъ: иногда въ какомъ-нибудь имѣніи не доставало рабочихъ рукъ, и посылался приказъ перевести крестьянъ одной вотчины въ другую. Переводъ крестьянъ являлся также средствомъ наказанія. Князь Одоевскій говоритъ, что «онъ иныхъ перевелъ за побѣгъ и за многія ихъ воровства». Переводились крестьяне изъ одной вотчины въ другую и временно въ рабочую пору, когда чувствовалась особенная нужда въ рабочихъ рукахъ.

Наконецъ, въ рукахъ вотчинника сосредоточивалась большая судебная власть. Правда, судить приказчикъ съ выборными людьми, но окончательная резолюція по большимъ и спорнымъ дѣламъ исходила отъ самого боярина. Боярскій приказъ былъ также и апелляціонной инстанціей.

Выше намъ приходилось упоминать о пріемахъ, съ помощью которыхъ приказчикъ узнавалъ виновнаго. Добавимъ, что въ вотчинѣ у Морозова при судебномъ разбирательствѣ допускалась и пытка, впрочемъ, всякій разъ съ разрѣшенія самого боярина, въ особенности, когда дѣло касалось его самого. Бранное слово на государя-боярина едва ли не составляло преступленія въ родѣ «оскорбленія величества».

Помимо судебныхъ наказаній вотчинники налагали и административныя взысканія, подробно записывавшіяся въ домовомъ журналѣ. И. Е. Забѣлинъ первый познакомилъ читателя съ такими записями Морозова, крайне интересными для характеристики вотчинной власти боярина. Приведемъ нѣсколько распоряженій: «1) Натальѣ Киселевой за худое мытье нашихъ сорочекъ не давать Рождественскій мясоѣдъ весь указнаго всего;

2) Матвѣю Павлову за отхожденіе отъ горницы во время дневанія своего не давать жаркого; 3) всѣмъ людямъ говѣть, раздѣляя постъ поровну... А говѣть и причащаться всѣхъ принуждать всякій годъ безъ пропуска. А ежели кто который годъ не будетъ говѣть, того плетьми, а которые не причащаются, тѣхъ сѣчь розгами, давая поняти тысячу разъ нещадно».

Вся система управленія, построенная на эксплуатаціи крестьянскаго труда, заставляла подчасъ крестьянина бросать насиженные мѣста и бѣжать на Украину въ надеждѣ хоть тамъ подышать свѣжимъ воздухомъ.

Такъ складывался боярскій бытъ вотчинника на фонѣ растущаго крѣпостнаго права, принимавшаго все болѣе и болѣе личный характеръ.

